

ЧУЖИЕ СТРОКИ В СТИХАХ НЕКРАСОВА

стихах Некрасова нередко повторения словосочетаний, входящих в ранее написанные стихи других авторов. Особенно заметны иронические цитаты, контрастирующие с некрасовским текстом по эмоциональному тону, в сатирических и юмористических стихах Некрасова. Такие цитаты Некрасов обычно выделяет кавычками или курсивом, нередко указывая и источник цитаты в подстрочном примечании.

Вот как описывается в сатирической поэме «Суд» появление жандармского офицера в квартире автора:

«Однажды, зимним вечерком»
Я перепуган был звонком...

*Вечерний звон! вечерний звон!
Как много дум наводит он!*

«Не бойся ничего! поверь,
Всё пустяки!» — шепчу жене,
Но голос изменяет мне.

Иду — и отворяю дверь...
Одно из славных русских лиц
Со взором кротким без границ,
Полуопущенным к земле,
С печатью тайны на челе...

(II, 252, 254)

К строкам, набранным курсивом, даны примечания: «Козлов», «Лермонтов», «Веневитинов». Источники цитат указаны в комментариях (см.: II, 646—647). Первая строка, взятая Некрасовым в кавычки, не снабжена примечанием, и комментаторами ее источник не раскрыт. Может быть, это аллюзия на «Светлану» Жуковского («Раз в крещенский вечерок...»)?

Приведу еще один случай выделенной поэтом цитаты, не раскрытой ни им, ни комментаторами:

«Натиск лют и гнет велик...»

В написанном Некрасовым в 1854 году юмористическом стихотворении «Признания труженика», посвященном гастрономическим подвигам гомерического обжоры, герой перед клубным обедом взывает к своему желудку:

Ну, теперь, желудок мой, — смелей!
Предстоит тебе — не ужасайся! —
«Натиск лют и гнет велик», — раздавайся!

(I, 557)

Кавычки, в которые взяты слова «Натиск лют и гнет велик», свидетельствуют о том, что в стихи введен чужой текст и автор хочет, чтобы читатель это почувствовал, хотя бы включенный текст и не был ему знаком.

До сих пор источник цитаты не был установлен. Она взята из стихотворения Каролины Павловой «Разговор в Кремле», напечатанного в том же 1854 году. В этом году вышел ряд брошюр, содержавших шовинистические стихи, связанные с тогдашней войной. Отдельной брошюрой было издано и большое стихотворение К. Павловой.

В стихотворении выявляется ее обширная историческая эрудиция, и оно отличается — как обычно у Павловой — эффектными рифмами, но отнюдь не оригинальностью концепции. По своей направленности оно точно соответствует официальной идеологии и официозным тезисам о причинах и смысле происшедшей войны.

Разговор, составляющий содержание стихотворения Павловой, происходит в 1830-е годы в Крыму, и ведут его русский, англичанин и француз. Они смотрят, как народ «единоверною семьей» выходит из Успенского собора, и английский лорд неприятно поражен «смешением сословий» в России.

Разговор идет о русском народе. Признавая его мощь, силу его государства, оба иностранца утверждают, что духовно русские ничем не обогатили мир, не выдвинули имен, чтимых культурным человечеством, не участвовали в духовных движениях христианского Запада, в частности в борьбе с мусульманами в крестовых походах; жизнь России не знает изменений, в ней нет движения вперед. Русский участник спора склонен все это признать, но не осудить. Перемены — счи-

тает он — не нужны русскому народу, этот народ верен старине:

Осталось свято сердцу внука,
Что было свято для отцов.¹

(с. 160)

Русские живут,

Не изменяясь в род из рода,
Любя и веруя, как встарь...

(с. 160)

И больших имен Россия действительно не выдвигает:

Сердца народа согревая,
В них здесь глубоко вмещено
Одно лишь имя: Русь святая!
И не забудется оно.

(с. 164)

Да возвеличится Россия,
И гибнут наши имена!

(с. 165)

Русский народ не раздрает, как западные народы, вражда сословий; здесь

...радостно вельможа знатный
Целует нищего в уста,

(с. 161)

христосуясь с ним.

Особенно развивает Павлова тему крестовых походов, нужную ей для связи с темой текущей войны. Русские не имели возможности участвовать в крестовых походах, но скоро — пророчествует оппонент иностранцев — у русских будет свой крестовый поход против мусульман, а потомки крестоносцев будут воевать против христианской России «в рядах защитников Луны». Любой исход этой войны будет позором для западных христиан:

Постыдно будет им паденье,
Постыдней ратный их успех.

(с. 167)

¹ В скобках обозначены страницы по изданию: П а в л о в а К. К. Полн. собр. стихотворений. М.—Л. (Б-ка поэта, Б. с.), 1964

Слова, которые Некрасов включил в «Признания труженика», звучат у Павловой в таком контексте:

Когда крестового похода
На Западе раздался клик —
В пределах русского народа
Был натиск лют и гнет велик:
Страну губили печенеги,
Свирых половцев орды,
И венгров буйные набеги,
И смуты княжеской вражды.

(с. 163)

Впоследствии Добролюбов едко пародировал урапатриотические стихи эпохи Крымской войны, в особенности стихи Майкова и Хомякова. В 1854 году еще нельзя было и помыслить о таких пародиях, во всяком случае об их напечатании. Насмешка Некрасова была введена в «невинное» юмористическое стихотворение и так же запрятана, как и некоторые другие «недозвоительные» намеки.¹

Некрасов выбрал из большого стихотворения особенно велеречивую фразу. Краткие прилагательные «лют» и «велик» в контексте

Был натиск лют и гнет велик,—

можно понять в двояком грамматическом значении: как части составных сказуемых и как определения к подлежащим. Второе более вероятно, поскольку по смыслу фразы логическое ударение падает здесь скорее на существительные. Архаическое звучание кратких прилагательных в функции определений выявляет фальшивую торжественность стиля «Разговора в Кремле», типичную для лжелатриотических стихов.

Ср. тот же прием в пародийной эпитафии из «Недавнего времени»:

Здесь обрел даровую квартиру
Муж злокачествен, подл и плешив
И оставил в наследие миру
Образцовых доносов архив.

(II, 299)

¹ См. об этом в моей ст.: К истории стихотворения Н. А. Некрасова «Признания труженика». — В кн.: О Некрасове. Статьи и материалы. Вып. 3. Ярославль, 1971, с. 193—194.

Нередко у Некрасова цитируются или перефразируются чужие тексты, с которыми поэт полемизирует, на которые подает реплики или от которых отталкивается. Типографское выделение таких текстов воспринималось бы как слишком педалирующее средство. К таким случаям относится указанная К. И. Чуковским аллюзия на Пушкина в некрасовской «Музе»:

Она гармонии волшебной не учила,
В пеленках у меня свирели не забыла...

(I, 148)

Здесь Некрасов несомненно отталкивается от пушкинского стиха:

...И меж пелен оставила свирель.

(«Наперсница волшебной старины») ¹

Приведу случай заимствования слов, которые могли быть взяты и из стихотворения Пушкина, и из стихотворения Лермонтова, — скорее из последнего:

Ах! что изгнанье, заточенье!...

Стихотворение построено как реплика: кто-то говорит поэту о грозящих ему бедах — изгнании, заточении, — а он противопоставляет этим бедам более тяжелое несчастье:

Ах! что изгнанье, заточенье!
Захочет — выручит судьба!

Но той руки удар смертелен,
Которая ласкала нас!..

(II, 398)

В стихотворении Пушкина «Ответ анониму» читаем:

Постигнет ли певца незапное волнение,
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье, —
«Тем лучше, — говорят любители искусств, —
Тем лучше! наберет он новых дум и чувств
И нам их передаст».

¹ См.: Чуковский К. И. Мастерство Некрасова. М., 1971, с. 53—54.

У Лермонтова повторена и мысль Пушкина, и самые слова «изгнание, заточенье». В стихотворении «Журналист, читатель и писатель» посетивший больного поэта журналист начинает беседу словами:

Я очень рад, что вы больны,—

и поясняет свое странное признание:

В заботах жизни, в шуме света
Теряет скоро ум поэта
Свои божественные сны.
Среди различных впечатлений
На мелочь душу разменяв,
Он гибнет жертвой общих мнений!
Когда ему в пылу забав
Обдумать зрелое творенье?
Зато какая благодать,
Коль небо вздумает послать
Ему изгнание, заточенье
Иль даже долгую болезнь:
Тотчас в его уединенье
Раздастся сладостная песнь!

Цитаты из русских поэтов в стихах Некрасова не впервые являются объектом исследования.¹ В данной статье я хочу привлечь внимание к особому роду цитат, интересному не только для истории литературы, но и для психологии творчества,— к произвольным цитатам, то есть таким, которые не осознаются поэтом. Я имею в виду такие случаи, когда поэт принимает чужие запомнившиеся ему строки за собственные, за результат творческого акта. Там, где нет установки на чужой текст, на цитату, реплику, пародию, дело обычно обстоит именно так. Сильный творец всегда может найти и ввести в стихи синонимическое выражение, а опасаться выдать чужой текст за свой естественно: ведь читатель, обнаруживший подобное совпадение, легко может принять совпадающий текст за плагирированный. Даже в случае автоцитаты может возникнуть недоу-

¹ См.: Чуковский К. И. Мастерство Некрасова. М., 1971, с. 42—54; Бухштаб Б. Я. Начальный период сатирической поэзии Некрасова (1840—1845).— «Некрасовский сборник». II. М.—Л., 1956, с. 134—139; Гаркави А. М. Разыскания о Некрасове.— Уч. зап. Калинингр. гос. пед. ин-та. Вып. 9. 1961, с. 48—49.

рие к творческой силе поэта, не сумевшего высказать свои мысли и чувства иначе, чем в прежних своих произведениях. Поэтому подобные заимствования, как правило, бессознательны.

Я озаглавил эту статью «Чужие строки в стихах Некрасова» потому, что чужие тексты обычно запоминаются и бессознательно воспроизводятся целыми строками, в той же ритмической форме. Это, конечно, не значит, что чужой текст не может в подобном случае подвергнуться каким-либо изменениям.

Приведу несколько замеченных мною случаев «чужих строк» у Некрасова:

«Вон из тела душа просится...»

Это строка из стихотворения «Дума» («Сторона наша убогая...», 1861), написанного от лица голодного безработного парня, мечтающего наняться в работники к купцу Семипалову, где он надеется есть досыта. Сытость семипаловских работников он представляет себе так:

У купца у Семипалова
Живут люди не говеючи,
Льют на кашу масло постное
Словно воду, не жалеючи.

В праздник — жирная баранина,
Пар над щами тучей носится,
В пол-обеда распояшутся —
Вон из тела душа просится!

(II, 70)

Стихотворение грустное, но представляющаяся восхищенному взору героя картина насыщения семипаловских работников написана с мягким юмором — особенно ощутимым в двух последних из цитированных строк. Между тем строка «Вон из тела душа просится» совпадает со строкой из стихотворения Кольцова «Измена суженой» (1838), где эта строка, как и все стихотворение, глубоко трагична. Вот контекст:

Пала грусть-тоска тяжелая
На кручинную головушку;
Мучит душу мука смертная,
Вон из тела душа просится.

Стихотворение Кольцова было хорошо известно русскому читателю, да еще и положено на музыку популярным композитором Гурилевым.

Несмотря на эту известность, а вернее благодаря ей, надо думать, что Некрасов не помнил, не осознавал, что включает в свое стихотворение кольцовский стих. В противном случае он должен был бы считаться с тем, что читатели могут воспринять это как насмешливую цитату, переводящую трагическое звучание в комическое. Это воспринималось бы как издевка над Кольцовым, которого Некрасов высоко чтит, песни которого назвал «вещими» (I, 258).

«По торговым селам, по большим городам...»

Иного рода случай — в стихотворении Некрасова «Огородник» (1846). Здесь тоже есть строка, если не точно повторяющая кольцовский текст, то очень близкая к нему. У Кольцова в стихотворении «Что ты спишь, мужичок?...» (1839) читаем:

Вспомни время свое:
Как каталось оно
По полям и лугам
Золотою рекой!

Со двора и гумна
По дорожке большой,
По селам, городам,
По торговым людям!

А у Некрасова:

По торговым селам, по большим городам
Я недаром жывал, огородник лихой...—

(I, 103)

с той же «перетяжкой» ударения (*селам*), характерной для фольклора и для поэзии, ориентированной на фольклор. Отмечу, что в тех же двух стихотворениях имеется и другая одинаковая «перетяжка». У Кольцова:

Ведь соседи твои
Работают давно;

у Некрасова:

Я в немецком саду *работáл* по весне.¹

(I, 103).

Здесь уже нельзя быть уверенным в том, что аллюзии нет и сходство возникло бессознательно.

Вместе со стихотворением «В дороге» «Огородник» открывает в творчестве Некрасова линию стихотворений из народной жизни, написанных в форме крестьянского сказа. В «Огороднике» более чистый сказ, чем во «В дороге», где рассказ ямщика обрамлен обращенными к нему словами проезжего барина. В «Огороднике» чувствуется кольцовская традиция, и, может быть, Некрасов не прочь подчеркнуть ее, вызвав у читателя реминисценцию.

«В своем заколдованном сне...»

Стих этот очень заметный и памятный. Им ведь заканчивается «Мороз, Красный нос». А это тоже чужая строка — из стихотворения К. К. Случевского «Статуя» — поэтической сказки о статуе раненого молодого гладиатора, стоящей над водой. Каждую ночь из воды выходит русалка,

И, к статуе грудь прижимая,
Косою ей плечи обвив,
Томится она и вздыхает,
Глубокие очи закрыв.

И видят полночные звезды,
Как просит она у него
Ответа, лобзанья и чувства
И как обнимает его.

И видят полночные звезды
И шепчут двурогой луне,
Как холоден к ней гладиатор
В своем заколдованном сне.

(с. 150—151)²

¹ Ср. в том же стихотворении форму с обычным ударением:
Пособи мужику, поработай часок.

(I, 104)

² В скобках обозначены страницы по изд.: Случевский К. К. Стихотворения и поэмы. М.—Л. (Б-ка поэта, Б. с.), 1962.

Совпадение любопытное: ведь стихотворение «Статуя» было напечатано в январском номере некрасовского «Современника» за 1860 год, то есть только за три года до того, как строка из этого стихотворения попала в поэму Некрасова. Поэтому отпадает возможность предположить, что Некрасов сознательно использовал понравившийся ему чужой стих: ведь это легко могли заметить читатели «Современника». О сознательном цитировании здесь, очевидно, не может быть речи. С другой стороны, здесь не может быть случайного совпадения двух строк: текст слишком своеобразен и индивидуален. Странно уже выражение «в заколдованном сне»: заколдован ведь не сон, а спящий; но присоединение еще как будто бы не требуемого смыслом местоимения «своем» окончательно индивидуализирует эту синтагму.

Значит, мы имеем и здесь дело со своеобразным явлением психологии творчества, когда текст запомнился поэту, но воспринимается им не как запомнившийся, а как новосозданный.

Есть еще один признак того, что заключительная строка поэмы «Мороз, Красный нос» — это строка чужая, удержавшаяся в памяти и воспринятая как творческая находка. Есть в ней некоторая чужеродность; она не вполне сливается с предыдущей строкой.

Случевский говорит о статуе как о живом человеке:

Он ранен в тяжелом бою,
Он силится брызнуть водою
В глубокую рану свою.

(с. 150)

О белизне мрамора говорится как о белизне тела:

И долго два чудные тела
Белеют над спящей водой...

(с. 151)

Статуя — словно бы живой человек, погруженный в непробудный сон; слова «В своем заколдованном сне» поддерживают это впечатление.

Слово «сон» в русском языке имеет два значения: состояние и сновидение. Они резко дифференцированы и грамматически: только во втором значении «сон» имеет множественное число.

В стихотворении Случевского «сон» имеет первое значение; Дарья же и погружена в сон, и видит сон. И когда поэт говорит:

А Дарья стояла и стыла
В своем заколдованном сне,—

(II, 141)

получается некоторая нечеткость: ведь стынет Дарья наяву, а во сне, который она видит, ей тепло:

В сверкающий иней одета,
Стоит, холодеет она,
И снится ей жаркое лето...

(II, 137)

Спутанность значений слова «сон» едва заметна, но думается, что если бы над поэтом не тяготела чужая фраза, он избежал бы этой легкой двусмысленности.

«Не торгуйся, не скупись...»

Любовная сцена, которой начинаются «Коробейники», идет в тоне шутиwego торга:

Цены сам платил немалые,
Не торгуйся, не скупись:
Подставляй-ка губы алые,
Ближе к милому садись!

.....
Катя бережно торгуется,
Все боится передать.
Парень с девицей целуется,
Просит цену набавлять.

(II, 71)

Такой сюжетный мотив, может быть, возник под влиянием чужой строки.

В лирической драме А. Н. Майкова «Три смерти», опубликованной в 1857 году, трем приговоренным к смерти — философу Сенеке, поэту Лукану и эпикурейцу Люцию — император Нерон разрешает самим покончить с собой любым способом. Люций решает выпить отраву в конце роскошного пира, который он устроит для своих друзей. Давая распоряжения своему управителю, Люций велит ему не жалеть денег на самые лучшие яства и вина:

Да не торгуйся, не скупись,
Чтоб ужин вышел баснословный!..¹

«Зажглися звезды частые...»

Это из «Кому на Руси жить хорошо»:

Уж ночь давно сошла,
Зажглися звезды частые
В высоких небесах...

(III, 9)

Средняя строка повторяет стих Фета из стихотворения «Теплым ветром потянуло...» (1842) с перестановкой слов в соответствии со стихотворным размером. У Фета:

Звезды частые зажглися
По навесу мглы.²

Порознь образы «звезды зажглися» и «звезды частые» могли бы совпасть у двух поэтов случайно, тем более что эпитет «частые» применяется к звездам в фольклоре; но случайное совпадение всего комплекса маловероятно.

Стихотворение Фета было, без сомнения, известно Некрасову. Оно вошло в собрание стихотворений Фета 1850 года, над текстом которого Некрасов вместе с Тургеневым и другими сотрудниками «Современника» трудился в качестве редактора, подготавливая новое издание, вышедшее в 1856 году, куда стихотворение тоже вошло.

«Не дубровушки шумят...»

6-я главка «Коробейников» начинается так:

Не тростник высок колыхается,
Не дубровушки шумят,—
Молодецкий посвист слышится,
Под ногой сучки трещат.

(II, 83).

¹ Майков А. Н. Избр. произв. Л. (Б-ка поэта. Б. с.), 1977, с. 460.

² Фет А. А. Полн. собр. стихотворений. Л. (Б-ка поэта, Б. с.), 1959, с. 170.

Второй стих почти совпадает со строкой из стихотворения третьестепенного поэта 30-х годов С. Н. Стромиллова. Об этом поэте Некрасов упоминает в шуточном стихотворении начала 50-х годов «Мне жаль, что нет теперь поэтов...», в котором перечисляются мельчайшие поэты предыдущей эпохи:

С семьей забвенных старожил
Скорблю на склоне дней моих,
Что лирой пренебрег Стромиллов,
Что Печенегов приутих,
Что умер бедный Якубович,
Что запил Константин Петрович,
Что о других пропал и след,
Что нету госпожи Падерной,
У коей был талант примерный,
И Розена барона нет...

(I, 499).

Но, как это нередко бывает, поэт, не оставивший следа в истории литературы и прочно забытый, привлекал внимание крупных композиторов и являлся автором текста известных романсов. На слова Стромиллова шесть произведений написал А. А. Алябьев и три А. Е. Варламов, в том числе две популярнейшие песни — «Зачем сидишь до полуночи...» и «То не ветер ветку клонит...». Вот начало последней:

То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит —
То мое сердечко стонет,
Как осенний лист дрожит.¹

Второй стих этой песни в слегка измененном виде повторен Некрасовым.

Отмечу, что «дубрава» и «дуброва» трактуются словарями русского языка как фонетические дублиеты одного слова, а замена единственного числа множественным в контексте Некрасова не изменяет значения, поскольку речь идет не о конкретной роще.

Вспоминается, естественно, песня «Не шуми, мати зеленая дубравушка...», заимствованная Пушкиным из фольклорного сборника и введенная в текст «Капитанской дочки». Но у Стромиллова и у Некрасова образ фи-

¹ Песни и романсы русских поэтов. М.— Л. (Б-ка поэта, Б. с.), 1965, с. 571.

гурирует в ином качестве: здесь не побудительное обращение, а отрицательное сравнение.

«Умер и в землю зарыт...»

Здесь автореминисценция. Эта строка — из стихотворения 1854 года «В деревне». Мать оплакивает сына, погибшего на охоте:

Умер, Касьяновна, умер, сердешная,
Умер и в землю зарыт!

(I, 170).

И тот же стих почти через десятилетие попадает в плач жены по мужу в «Морозе, Красном носе»:

Умер, не дожил ты веку,
Умер и в землю зарыт!

(II, 125).

Предложенный обзор «чужих слов» у Некрасова является сводом одновременных наблюдений автора статьи и не может, разумеется, ни в какой мере претендовать на полноту охвата материала.

В заключение приведу два примера того, как стихи Некрасова в свою очередь становятся источником цитат и аллюзий у больших русских поэтов XX века — Пастернака и Цветаевой, причем в одном случае мы имеем явную аллюзию, в другом — заимствование сознательное или бессознательное, но во всяком случае не претендующее на сопоставление с источником. Последний случай — у Пастернака. Раннее его стихотворение «Лирический простор» начинается так:

Что ни утро, в плененьи барьера,
Непогод обезбрежив брезент,
Чердаки и кресты монгольфьера
Вырываются в брезжущий тент.

Их напутствуют знаком беспалым,
Возвестившим пожар каланче,
И прощаются дали с опалом
На твоей догоревшей свече.¹

Слова «Возвестившим пожар каланче» восходят к стихотворению Некрасова «Утро». Здесь читаем:

¹ Пастернак Б. Л. Стихотворения и поэмы. М.—Л. (Б-ка поэта, Б. с.), 1965, с. 496—497.

Начинается всюду работа;
Возвестили пожар с каланчи;
На позорную площадь кого-то
Повезли — там уж ждут палачи.

(II, 374).

Измененная цитата из Некрасова вряд ли поможет пониманию текста Пастернака, несмотря на общность темы городского утра.

Иначе у Цветаевой. Вот ее стихотворение 1920 года:

У первой бабки — четыре сына,
Четыре сына — одна лучина,

Кожух овчинный, мешок пеньки,—
Четыре сына — да две руки!

Как ни навалишь им чашку — чисто!
Чай, не барчата! — Семинаристы!

А у другой — по иному трахту! —
У той тоскует в ногах вся шляхта.

И вот — смеется у камелька:
«Сто богомольцев — одна рука!»

И зацелованными руками
Чудит над клавишами, шелками...

Обеим бабкам я вышла — внучка:
Чернорабочий — и белоручка!¹

Это аллюзия на слова о Белинском из «Медвежьей охоты» Некрасова:

Ты не гнушался никаким трудом:
«Чернорабочий я — не белоручка»,—
Говаривал ты нам — и напролом
Шел к истине, великий самоучка!

(II, 247)

Здесь, впрочем, возможна и опосредованная связь с некрасовским текстом — через «стихотворение в прозе» Тургенева «Чернорабочий и белоручка».

¹ Цветаева М. И. Избр. произв. М.—Л. (Б-ка поэта, Б. с.), 1965, с. 153—154.